

Оренбургский Николаевский женский институт во второй половине XIX — начале XX в.

М. Ю. Варавва

Статья поступила
в редакцию
в январе 2020 г.

Варавва Маргарита Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и социально-гума-
нитарных дисциплин Оренбургского
филиала Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова.
Адрес: 460000, Оренбург, ул. Ленин-
ская/Пушкинская, 50/51–53.
E-mail: margur2010@mail.ru

Аннотация. Результатом реформи-
рования системы женского образова-
ния в России в середине XIX в. стала,
в частности, эволюция женских закры-
тых сословных учебных заведений —
институтов, созданных по типу интер-
ната и обеспечивавших среднее об-
разование, религиозное и светское
воспитание девочек. На основе исто-
рических документов и архивных источ-
ников описаны организация и содер-
жание учебно-воспитательного про-
цесса в Оренбургском Николаевском
женском институте, который к концу
XIX в. был крупнейшим женским сред-
ним образовательным учреждением

в обширной Оренбургской губернии.
Подчеркивается социальная ценность
институтского образования для доче-
рей среднего гражданского и военного
сословий губернских городов и отдаленных окраин империи: оно позволяло выпускницам не только приобре-
сти общие знания, но и получить на-
выки педагогической деятельности, что
обеспечивало средства к самостоя-
тельной жизни. Оренбургский Никола-
евский женский институт представлял
собой типичную модель институтского
образования дореволюционной Рос-
сии, которая подвергалась изменени-
ям в ответ на запросы общества в сфе-
ре женского образования.

Ключевые слова: женское образо-
вание, Ведомство учреждений импе-
ратрицы Марии, губернские женские
институты, социализация воспитан-
ниц, Оренбургский Николаевский жен-
ский институт.

DOI: 10.17323/1814-9545-2020-4-250-272

Первая половина XIX в. отмечена важнейшим процессом в жизни российского общества — формированием единого образовательного пространства, охватывающего европейскую и азиатскую части обширной империи. Значительным изменениям подверглось и среднее женское образование, представленное институтами для воспитания девиц. Во-первых, резко возросло число женских институтов и расширилась их география: «постепенно возникали под сенью Монарших попечений новые разсадники образования девиц внутри России и даже в отдален-

нейших ее краях»¹. Под покровительством императрицы Марии Федоровны с конца XVIII в. до первой трети XIX в. девичьи институты стали распространяться по всей империи, лишив тем самым Петербург и Москву монополии на среднее женское образование.

Во-вторых, за обозначенный период времени кардинальной переоценке подверглась концепция женского воспитания и образования. Екатерина Великая и императрица Мария Федоровна по-разному понимали назначение и конечные цели женского образования. Екатерина II смотрела на обучение и воспитание женщин масштабно, с государственных позиций: желая видеть их людьми просвещенными, полезными обществу, она стремилась дать «не только воспитание, но и образование, притом общее, а не приуроченное к каким-нибудь специальным „женским“ целям» [Лихачева, 1899. Ч. 1. С. 131]. Мария Федоровна преследовала более утилитарные и узкие цели, рассчитанные на близкую перспективу: женские институты призваны были воспитать «добрых супруг, хороших матерей и хороших хозяек», для которых «совсем не нужны науки и ученые сведения», поэтому «институты сделались профессиональными женскими учебными заведениями» [Каптерев, 1915. С. 245–246]. Полученное воспитанницами институтское образование должно было считаться совершенно законченным, из образовательной концепции прочно вымывалась идея о необходимости самообразования и развития умственных способностей воспитанниц. Как отмечает Е. О. Лихачева, «этот аспект являлся важным в достижении главной цели организации женского образования, но он не ставился во главу угла первыми устроительницами женских институтов: императрица Мария ни разу не высказала даже намеком такой мысли в своих многочисленных письмах и инструкциях начальницам. Мысль <...> о благотворном влиянии развитого знанием ума ей не являлась, и данное ею направление женскому образованию прочно и надолго привилось в институтах» [Лихачева, 1899. Ч. 2. С. 234].

В-третьих, произошла унификация институтского устройства, и если «губернские институты, в главных основаниях, учреждены были по примеру столичных, но как и сии последние не имели еще общего единства и руководствовались отдельными правилами, в разное время изданными, то с открытием вновь Институтов в значительном числе, обнаружилась необходимость ввести для всех женских учебных заведений, на прочных основаниях, единообразный порядок»².

¹ Обзорение учреждений императрицы Марии в 25-летие, с 1828 по 1853 г. СПб.: В типографии Опекунского Совета, 1854. С. 234.

² Там же. С. 24–25.

В-четвертых, женские институты стали не просто объектом внимания официальной власти, а частью государственной образовательной политики, в рамках которой необходимо было удовлетворить запрос на образование детей не только потомственного и личного дворянства, но и третьих чинов (гильдейское купечество, почетные граждане, мещанство), малообеспеченных («недостаточных») семей и детей, оставшихся по разным причинам без попечительства родителей.

В-пятых, к 70-м годам XIX в. в ходе проведенных реформ женские институты постепенно освободились от сковывавших их развитие жестких требований сословности и закрытости, в эту сферу стали активнее проникать педагогические новшества, больше внимания уделялось образовательному процессу, возникла острая потребность в профессиональной подготовке воспитанниц. Многие новые процессы инициировали именно провинциальные институты: внедрение передовых педагогических идей, активное привлечение частных благотворительных капиталов, расширение социального состава воспитанниц, улучшение финансового положения за счет увеличения числа приходящих и своекоштных учениц.

Историография институтского женского образования первой половины XIX — начала XX в. в России представлена рядом источников, среди которых выделим те, которые послужили основой заявленной темы.

В первую очередь необходимо отметить четырехтомную работу Е. О. Лихачевой [1899], в которой нашли отражение генезис и эволюция институтского женского воспитания и образования в России с 60-х годов XVIII в. до начала XX в. Рассматривая женское образование как российский культурный феномен, автор отмечает, как изменялся запрос общества в отношении женского просвещения: «в суждениях современников разных эпох нашей истории о женском образовании, к формуле „хорошо воспитана“ для эпохи Петра — „мила, любезна, весела“, к чему иногда прибавлялось „и образованна“ — для времени Екатерины, в конце первой трети нашего века прибавилась уже не в виде весьма редкого исключения формула „очень хорошо образованна“» [Лихачева, 1899. Ч. 2. С. 301]. В исследовании Е. О. Лихачевой особую ценность представляют материалы по организации женских институтов в отдаленных российских провинциях, где спрос на женское образование был достаточно высок.

Сведения об устройстве, содержании и регламентации различных сторон деятельности женских институтов содержатся в разнообразных нормотворческих фактологических документах: Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии, Устав женских учебных заведений, Обзорение Мариинского ведомства и проч. В качестве важнейшей источниковед-

ческой базы необходимо назвать работу И. Я. Селезнева, изданную к пятидесятилетию Ведомства учреждений императрицы Марии, где собраны уникальные материалы и подлинные документы, характеризующие образовательно-воспитательный процесс всех женских учебных заведений, находившихся под покровительством императорских особ в период 1828–1878 гг.³

Отдельные аксиологические проблемы женского воспитания и образования в дореволюционной России находятся в фокусе научного интереса ряда современных авторов. Так, Э. Д. Днепров и Р. Ф. Усачева на общем фоне государственных реформ прослеживают трансформацию устройства и содержания среднего женского образования, превращение его в самостоятельную «образовательную отрасль», в рамках которой подвергалась изменениям и модель институтского обучения и воспитания. При всех несовершенствах, обособленности от общей системы образования и нападках передовой общественности XIX столетия на деятельность женских институтов авторы отмечают их прогрессивное значение на определенном этапе развития: «Новый век почти на столетия сохранит как единственный тип среднего женского учебного заведения закрытый женский институт, созданный И. И. Бецким и Екатериной II <...> Но не только сохранит — распространит его по многим губерниям России, внося в него свои существенные изменения» [Днепров, Усачева, 2009. С. 35].

Авторский ретроспективный анализ различных аспектов организации женского институтского образования и воспитания представлен в цикле работ В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой [2017]. К сожалению, история Николаевского женского института в Оренбургском крае до сих пор остается вне поля исследовательского внимания местного научного сообщества, если не считать отдельных фрагментарных публикаций.

Целью данной статьи является историческая реконструкция становления и развития среднего женского образования во второй половине XIX — начале XX в. в Оренбургском Николаевском женском институте.

Оренбургский край в первой трети XIX в. представлял собой отдаленную военно-пограничную окраину Российской империи, территорию с разнородным в национально-конфессиональном отношении составом населения и место поселения поли-

От девичьего училища до Оренбургского Николаевского женского института

³ Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии: [1828–1878]: хроника Ведомства учреждений Императрицы Марии, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством. По поручению начальства сост. И. Селезнев. СПб.: Тип. В. Демакова, 1878.

тических ссыльных. К 30-м годам XIX в. здесь институционально оформилось мужское образование, а вопросы женского воспитания и обучения для столь обширной губернии оставались нерешенными.

Особая заслуга в деле учреждения и организации первого женского (девичьего) училища в Оренбургском крае принадлежит военному губернатору графу П. П. Сухтелену (губернаторство в 1830–1833 гг.): именно он счел своевременным создание такого училища и подал ходатайство императору. Необходимость открытия таких училищ императрица Мария Федоровна объясняла тем, «что о судьбе солдатских сыновей заботится сам государь, а на участь дочерей еще не обращено внимание» [Лихачева, 1899. Ч. 2. С. 46]. Так, в 1820 г. в Петербурге были открыты училища для солдатских дочерей полков лейб-гвардии Семеновского, Егерского, Московского, в 1826 г. — для дочерей нижних чинов Черноморского флота в Севастополе и Николаеве. По ходатайству оренбургского генерал-губернатора проект «Постановления об особенном отделении для воспитания детей женского пола при Неплюевском военном училище» был одобрен и утвержден императором Николаем I.

6 декабря 1832 г. является официальной датой основания «отделения для воспитания девиц», получившего название Оренбургское девичье училище, относимое к III разряду «для дочерей низших воинских чинов и бедных родителей всякого звания»⁴. На торжестве по случаю открытия учебного заведения губернатор П. П. Сухтелен подчеркнул важность девичьего училища в условиях отдаленности Оренбургского края: «Жители Оренбурга, запишите в летописи вашей родины сие число и настоящее действие <...> В сей день образование детей, драгоценных сердцам вашим, возымело свое начало»⁵.

На начальном этапе устав училища был выработан в соответствии с положением Петербургских училищ солдатских дочерей полков лейб-гвардии и девичьих училищ для дочерей нижних чинов Черноморского флота «с необходимыми по местностям изменениями»⁶. Согласно уставу Оренбургское девичье училище было всесословным, учреждалось для детей, «коих отцы служат или служили в войсках отдельного Оренбургского корпуса, в нижних чинах», а также «всякого свободного состояния», причем отмечалось, что «не воспрещается допускать и детей происхождением из иноверцев по собственному желанию роди-

⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/10. Л. 1.

⁵ Вертоусова Е. (2006) «Отведи Бог больше времени...» // Гостиный двор. № 20. С. 283.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 759. Оп. 4. Д. 1615. Л. 15.

телей или по сиротству»⁷. Обустройством женского «отделения» и управлением им занялся комитет, в который входили директор Неплюевского военного училища, почтенные дамы и супруги генералов, служивших в Оренбурге.

Девичье училище принимало 50 учениц в возрасте от 7 до 12 лет. Воспитанницы приходили только на занятия (интернат с постоянным пребыванием не был предусмотрен); срок обучения не оговаривался: девочки ежегодно экзаменовались и выпускались по окончании наук. Список зачисленных девиц, приложенный к письму П. П. Сухтелена в Санкт-Петербург, дает представление о социальном составе первого набора: «33 из 50 вакансий заняли девицы „военного звания“, от дочери отставного полковника до казенного деньщика; остальные 17 принадлежали к числу лиц „всякого свободного состояния“ — дочери чиновников, мещан, купца 3-й гильдии, дьячка и отпущенника»⁸.

В учебных заведениях III разряда надлежало преподавать лишь «необходимые для бедных детей предметы, а все занятия должны были сосредоточиваться преимущественно на рукоделиях, как главном средстве будущего назначения воспитанниц» [Лихачева, 1899. Ч. 3. С. 43]. Девочкам преподавался элементарный набор дисциплин: Закон Божий, чтение, письмо, «основания правил арифметики по книгам и на щетах», шитье белья, перчаток, башмаков, вышивание и другие «полезные рукоделия». В 1840-е годы учебная программа постепенно усложнялась, вводились новые предметы, библиотечный фонд пополнялся журналами «Детский альманах», «Звездочка», книгами «Путешествие вокруг света», «Сборник для детей», «Прокопий Ляпунов», учебниками и учебными пособиями⁹.

В 1845 г. при активном участии оренбургского военного губернатора В. А. Обручева (управлял краем в 1842–1851 гг.) «девичье училище» приобрело сословный характер. Как отмечал генерал-губернатор, «девицы низшего класса обыкновенно не пользовались приобретенными познаниями и обращались к черным работам или занимались торговлей, а для девиц среднего класса это училище было по своей программе слишком элементарно. Поэтому среди низших сословий желающих отдать своих дочерей в училище становилось меньше, но возрастало число желающих таких среди чиновников, поскольку других образовательных учреждений для девочек в крае не было»¹⁰.

По ходатайству В. А. Обручева в 1847 г. «девичье училище» было преобразовано и получило «новое устройство», а «со-

⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 5. Л. 196.

⁸ Там же. Д. 35. Л. 9–10 об.

⁹ Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 20. Оренбург: Типо-литография губ. правления, 1909. С. 28.

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 362. Л. 206.

держание и учение воспитанниц применены к общему порядку других заведений благородных девиц»¹¹. Учебное заведение для дочерей штаб- и обер-офицеров войск, расположенных на оренбургской линии, и казачьего войска, а также гражданских чиновников, служащих в крае, священников и купцов 1-й гильдии предназначалось для «утверждения и распространения образования женщин в крае» [Лихачева, 1899. Ч. 3. С. 33].

В конце 1849 г. к обязанностям начальницы Оренбургского девичьего института приступила Олимпиада Давыдовна Жакмон. Из воспоминаний ее сына следует, что институт находился в плачевном состоянии: «Ученицы, числом до 40, были почти все грубые, невоспитанные казачки, говорившие на „о“ и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Хозяйство института было организовано на началах мелочной экономии сбережения дров и мыла <...> Так же неудовлетворительна была постановка учебного дела. Учителя, не имевшие классного чина <...> народ запойный и малограмотный, пропускавший в учебном году много уроков»¹².

Новой начальнице предстояло полностью изменить учебную и экономическую жизнь института. В 1850 г. в институте был учрежден временно-приготовительный класс из 30 вакансий для малолетних дочерей обер- и штаб-офицеров Уральско-го и Оренбургского казачьих войск. Стараниями О. Д. Жакмон укрепилась учебно-методическая, материальная и финансовая база института, постоянно росло число воспитанниц, большинство из них принадлежали к дворянскому сословию, в меньшей степени — к купеческому. Значительно расширился географический охват поступавших воспитанниц: здесь обучались уроженки не только Оренбургской, но и Самарской и Уфимской губерний, Туркестана, Тургайской и Уральской областей.

Благодаря личному ходатайству О. Д. Жакмон перед императрицей Александрой Федоровной 13 октября 1855 г. девичий институт был по Высочайшему повелению переименован в Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц и отнесен ко II разряду женских учебных заведений. Основной целью преобразованного женского института было «доставить образование детям служащего класса людей в степных отдаленных местностях» [Там же. С. 32–33].

В 1880 г. учебное заведение перестало быть закрытым: помимо 150 пансионеров в нем обучались полупансионеры и приходящие ученицы¹³, из трехклассного с двухгодичным курсом

¹¹ Обзорение учреждений императрицы Марии в 25-летие, с 1828 по 1853 г. СПб.: В типографии Опекунского совета, 1854. С. 63–64.

¹² Жакмон П. П. (1905) Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. Т. 100. Апрель — июнь. С. 76.

¹³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 9. Д. 21.

обучения в каждом классе институт был преобразован в семиклассный с годовым курсом.

В 1896 г. со дня празднования 100-летия Николая I институт стал называться Оренбургским институтом императора Николая I.

К концу XIX в. в институте была создана солидная материальная база. Помещения и владения института оценивались в несколько миллионов рублей и представляли огромную ценность, корпуса и службы были благоустроены: проведено электричество, имелся водопровод, помывочная, прачечная, гладильная, столовая, лазарет, учебные комнаты, оборудованные наглядными пособиями, обширная библиотека, служебные квартиры для начальницы и персонала, домовая церковь. Институт располагал земельными угодьями в Троицком уезде в 4 десятины земли и 16 постройками¹⁴.

Наиболее полно организацию и специфику учебного процесса Оренбургского Николаевского женского института раскрывают документы и материалы о приемных испытаниях, ведомости об успеваемости воспитанниц, аттестаты и удостоверения выпускниц, протоколы заседаний педагогического совета.

Для определения девиц в институт необходимо было предоставить следующие документы: «1) копия послужного списка отца (формулярный список или аттестат), состоявшего на военной службе, равно другие законные акты, свидетельствующие о принадлежности девиц к состояниям, соответственно коим они имеют право на поступление в заведения разных разрядов; 2) свидетельство духовной консистории о законном рождении и крещении девицы; 3) медицинское свидетельство о здоровье девицы и была ли на ней натуральная или привитая оспа»¹⁵.

От поступающих на вакансии в Оренбургский Николаевский женский институт требовалось наличие минимальных навыков и умений: знание молитв, умение читать, писать, считать, знание хотя бы одного из иностранных языков¹⁶.

В институт принимались на обучение и воспитанницы, переведившиеся из женских учебных заведений других городов:

**Оренбургский
Николаевский
женский инсти-
тут: общие
вопросы органи-
зации
и образователь-
ный процесс**

¹⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 979.

¹⁵ Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. С последующими доп., изм., циркуляр. распоряжениями и предписаниями по 1 янв. 1884 г. СПб.: Типо-литография К. Штремера, 1884. § 66. С. 23.

¹⁶ Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Правила приема девиц в Оренбургский Николаевский институт. Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1868. § 8. С. 19.

Петербурга (Петербургский патриотический институт), Москвы (Московский сиротский институт)¹⁷, Самары, Одессы¹⁸.

Оренбургский Николаевский женский институт был причислен к учебным заведениям II разряда (1855) с числом воспитанниц менее 100, но данная цифра в силу различных обстоятельств не выдерживалась. Так, в 1832 г. в Оренбургском девичьем училище насчитывалось не более 40 воспитанниц; в 1855–1856 гг. с вновь поступившими было 80 учениц. На основании высочайше учрежденного 17 декабря 1866 г. нормального штата закрытых женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии комплект воспитанниц института был определен в 75 девиц (фактически же обучалось 83)¹⁹. В 1868 г. «воспитывалось 75 штатных девиц, из коих 20 казеннокоштных, остальные пансионеры»²⁰, в 1890 г. — 167²¹, в 1913 г. — 202, в 1916 г. — 209, в 1917 г. — 222 девочки. В 1918 г. женский институт призревал 200 девочек — сирот и полусирот и обучал порядка 50 приходящих учениц²².

Николаевский женский институт находился в ведении Маринского ведомства, основное правило которого гласило: «Бедность подает первейшее право на призрение при приеме». Это означало, что в данных заведениях воспитывались и обучались ученицы не только за собственный счет (своекоштные), но и за казенный (казеннокоштные): дочери военных, инвалидов войн, офицерских вдов, сироты.

Дети потомственных дворян имели преимущественное право учиться в институте за счет казны, но на места без оплаты был конкурс. Те, кто подавал прошения, не сдавали экзамен, а проходили баллотировку (жеребий): например, в 1916 г. «на вакансию круглых сирот зачислена воспитанница 6-го класса Анна Епанешникова, и на одну казенную для полусирот вакансию по баллотировке ошастливлена жребием девица Мария Лошарева»²³.

Архивные документы свидетельствуют о том, что источниками для обучения «недостаточных» воспитанниц выступали не только казенные ассигнования, но и различные ведомственные стипендии, проценты с благотворительных капиталов, пожертвованных и завещанных институту частными лицами или учреждениями. Например, в феврале 1904 г. была учреждена

¹⁷ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Оренбургский листок. 1885. 9 июня. № 25. С. 3.

²⁰ Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Правила приема девиц в Оренбургский Николаевский институт. Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1868. § 2. С. 18.

²¹ Статистический очерк Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1892. С. 17.

²² ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24. Л. 40.

²³ Там же. Д. 15.

стипендия имени Наталии Михайловны Хондзынской на капитал, пожертвованный ею Оренбургскому Николаевскому институту²⁴. Отдельная категория учениц могла получать стипендии Военного министерства и военных комитетов, а также обучаться на войсковые и орденские²⁵ капиталы. Так, дочь поддесаула Оренбургского казачьего войска Исаенко Татьяна обучалась на капитал пожертвований²⁶; дочь отставного сотника Лысова Раиса была принята в число стипендиаток Алексеевского военного комитета, Григорович Ираида зачислена в 1916 г. на стипендию Государя Императора²⁷; «воспитанницы Е. Белинская, Е. Беляева, А. Емельянова являлись пансионерками Туркестанского генерал-губернатора, В. Тимофеева — стипендиатка вдовы Ионас»²⁸.

2 декабря 1882 г. Высочайше утвержденным положением Военного совета «О закрытии в Оренбургском Николаевском институте стипендий, положенных для войсковых воспитанниц Уральского войска» было постановлено: «1) положенные для Уральского казачьего войска в Оренбургском Николаевском институте стипендии закрыть постепенно по мере окончания курса занимающими ныне эти стипендии войсковыми воспитанницами; 2) остатки от суммы, ассигнуемой ныне на содержание войсковых пансионерок в названном институте, как равно и всю сумму при закрытии стипендий, обратить на усиление специальных средств Уральской войсковой женской гимназии»²⁹. Как отмечает В. В. Пономарева, «по своему типу Оренбургский женский институт относился к числу периферийных, какими были институты Донского и Кубанского казачьих войск, учреждавшиеся в отдалении от центра, где жило население небогатое и малообразованное. Однако Донской и Кубанский институты частично содержались за счет казачьего населения и управлялись при участии казачьей верхушки. Казаки Юга России хозяйствовали на плодородных землях, и с их угодий уплачивался сбор

²⁴ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 4. № 2018–2646. С 1 янв. 1904 г. по 30 дек. 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1913. С. 60.

²⁵ Кавалеры российских императорских и царских наград (орденов) обязаны были вносить взносы для формирования орденского капитала, который расходовался на благотворительные дела и устройство дочерей несостоятельных кавалеров в женские институты.

²⁶ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 15.

²⁷ Там же. Д. 19.

²⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 56. Д. 218. Л. 21–23.

²⁹ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. IV. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 1. № 219. С 1 марта 1881 г. по 31 дек. 1885 г. СПб.: Государственная типография, 1895–1916. С. 249–250.

в пользу собственных женских институтов. Уральское казачество не находилось в столь благоприятных условиях и взять на себя такой расход не могло» [Пономарева, 2018. С. 351]. Все же средства для образования изыскивались, и в 1891 г. в институте для дочерей Оренбургского казачьего войска были открыты 19 вакансий [Стариков, 1891. С. 59]. В 1893 г. в Николаевском женском институте воспитанниц из числа войскового казачьего сословия, обучавшихся за счет казны, не было, за счет войскового капитала обучались 10 девочек, за счет общественных сумм и родителей — 10³⁰. В 1918 г. войсковым старшиной было решено оплачивать 75 стипендий по 1 тыс. руб. в год для дочерей казачества³¹.

В годы Первой мировой войны Оренбургский Николаевский женский институт «имел среди своих воспитанниц до 70% дочерей офицеров и казаков, участвующих в сражениях на австро-германском фронте, которые на время войны освобождены были от платы за обучение и содержание или воспитывались на различные стипендии: на всем казенном состояли — 10, стипендиантками Военного министерства — 21, Оренбургского казачьего войска — 11, штаба Туркестанского военного округа — 1, туркестанского генерал-губернатора — 4, Александровского и Алексеевского комитетов — 6, отдельного корпуса пограничной стражи — 7 и различных других учреждений и лиц — 15³². В этот период значительно возросло число обращений со стороны родителей об отсрочках платежей за обучение, поскольку материальное положение многих семей резко ухудшилось. С конца 1914 г. среди документов на зачисление в институт все чаще присутствуют прошения от офицеров действующей армии, участников русско-германской войны или их вдов о зачислении дочерей на казенные вакансии.

Сравнительно небольшой процент воспитанниц Николаевского института учились за собственный счет либо их обучение оплачивали благотворители. Пансионерская плата зависела от разряда и местонахождения образовательного заведения (по особым местным условиям)³³. Так, в Правилах приема в Оренбургский Николаевский институт от 1868 г. обозначались суммы взноса: «за девиц, воспитывающихся на суммы разных мест и пансионеров Высочайшего Имени по 130 руб. в год, а за девиц, содержимых частными лицами, по 90 руб.

³⁰ Оренбургские губернские ведомости. 1895. 7 июля. № 12. С. 5–6.

³¹ Доклад Войскового Правительства Оренбургского казачьего войска чрезвычайному Войсковому Кругу 19 сентября 1918 г. [б. м., 1918]. С. 47.

³² ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24. Л. 41.

³³ Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. С последующими доп., изм., циркуляр. распоряжениями и предписаниями по 1 янв. 1884 г. СПб.: Типо-литография К. Штремера, 1884. Приложения к § 42. С. 108.

в год. И кроме того с вновь поступающих пансионеров взимается по 30 руб. с каждой на первоначальное обзаведение экипировочными вещами»³⁴. К 1877 г. плата за обучение составляла 150 руб., а в июне 1885 г. совет Оренбургского Николаевского женского института довел до всеобщего сведения, что «Государь Император в 30-й день мая сего года Высочайшим повелением изволил возвысить пансионерную плату с начала будущего 1886 учебного года в этом институте со 150 рублей до 250 рублей в год с каждой вновь поступающей с того времени пансионерки»³⁵. К началу Первой мировой войны плата за год обучения в 6-м классе составляла 180 руб., в 7-м классе — 360 руб.³⁶

Устав Ведомства учреждений императрицы Марии для всех женских институтов в соответствии с их разрядом вводил единые «особые расписания преподаваемых наук, языков и искусств», которые включали: Закон Божий, русский язык, педагогику, географию, историю, французский язык, немецкий язык, физику, естествоведение, космографию, математику, арифметику, гигиену, рисование, чистописание, пение. Выставлялись также оценки за поведение и опрятность³⁷.

Преподаваемые уроки предписывалось дополнять «чтением назидательных книг»³⁸. Развитию умственных способностей, литературного вкуса и интереса к чтению у воспитанниц способствовала библиотека «с рассудительным выбором книг», которая подразделялась на ученическую (насчитывала 2698 экземпляров, 3522 тома) и фундаментальную (976 экземпляров, 3942 тома). В целях пополнения библиотеки выписывались журналы: «Женское образование», «Семья и школа», «Нива», «Русская музыкальная газета», «Научное обозрение», имелись периодические издания на русском, французском и немецком языках³⁹.

Несмотря на то что Оренбургский женский институт Императора Николая I был провинциальным воспитательно-образовательным учреждением, по оснащенности наглядными пособиями, картами, макетами, механизмами и приборами для всех изучаемых дисциплин он мог соперничать с самыми известными столичными учебными заведениями. О солидной учебно-методической базе института свидетельствует многостраничная архивная опись имеющихся пособий, макетов, моделей, карт,

³⁴ Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Правила приема девиц в Оренбургский Николаевский институт. Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1868. § 2. С. 18.

³⁵ Оренбургский листок. 1885. 1 июня. № 24. С. 3.

³⁶ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1.

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 3.

³⁸ Устав..., 1884. Гл. V. § 105. С. 31.

³⁹ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

атласов. По физике, химии, естествоведению, космологии насчитывалось от 40 до 60 единиц различных приборов и приспособлений по тематическим разделам, среди которых имелись: центробежная машина, прибор для объяснения сплющивания Земли, прибор Квинке для показания качания маятника, динамометр, ареометр Боме, фонарь Кирхера, ацетиленовая лампа, световые картины, модель паровой машины, электроскоп Кольбе, модель телеграфа Морзе с клавишей, теллурий, рельефный земной глобус, коллекция минералов, космографические таблицы и проч.⁴⁰ Первые впечатления от обустройства учебных комнат института отражены в воспоминаниях воспитанницы Анны Бородиной: «Помню первый день своего пребывания в нем [в институте. — *Примеч. авт.*] <...> По широкой мраморной лестнице, застеленной дорожкой, провели на второй этаж в классную комнату. В углу висели иконы, под потолком красивые керосиновые лампы, вдоль стен стояли высокие книжные шкафы с учебными принадлежностями и пособиями. Разные физические и географические приборы располагались на столах, а на высоких шкафах виднелись чучела разных птиц <...> Как я узнала позже, меня завели в физико-биологический кабинет, здесь я впервые увидела и глобус. Учебные классы были обставлены намного скромнее»⁴¹.

Первыми предметами, значившимся в учебном расписании воспитанниц, были Закон Божий и катехизис. Выпускница института Александра Царицынцева, дочь полковника Оренбургского казачьего войска П. Н. Корелина, отмечает: «Закон Божий в младших классах — молитвы и их значение, церковные праздники, некоторые притчи из Евангелия, в старших — вся церковная служба, ее смысл и значение. Преподавал нам священник отец Дмитрий Кононов, протоирей, он же служил в нашей домашней церкви. Каждый день начинался с утренних молитв и заканчивался вечерними. Особенно мы любили петь в институтском церковном хоре. Церковное пение преподавал священник Иоанн Соломин, имевший аттестат от придворной капеллы»⁴².

В учебных программах института учитывался неоднородный конфессиональный состав воспитанниц, среди которых были православные, католички, лютеранки, магометанки (мусульманки). А «с начала XX в. в институт были допущены дочери старообрядцев» [Пономарева, 2018. С. 351]. Для преподавания Закона Божия в штате состояли не только православный священник, но и католический ксендз и лютеранский пастор. Девиц «ино-

⁴⁰ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 18. Л. 61–93.

⁴¹ Боброва Е. (2015) «Средь шумного бала...» // Гостиный двор. 21 июня. <http://orenlit.ru>

⁴² Семенов В.Г. (1997) Еще раз об Оренбургском институте благородных девиц // Гостиный двор. № 5. С. 230.

верческих исповеданий» предписывалось «не вынуждать присутствовать в преподавании Закона Божия христианской веры»⁴³, «никаких насильственных мер к обращению магометанок в христианство не допускать»⁴⁴.

Большое внимание в институте уделялось урокам русского языка. В объяснительной записке к программе русского языка Устава женских учебных заведений отмечено: «Задача преподавателя отечественного языка <...> не только передать содержание прочитанного, но дать отчет в его построении, указать логическую связь между отдельными частями целого произведения <...> оценить со стороны нравственной и эстетической, развить способность выражать свои мысли словесно и письменно, правильно не только в грамматическом, но и в логическом отношении», «стараться, чтобы воспитанницы <...> с любовью изучили историческое развитие языка и ознакомились с лучшими произведениями словесности»⁴⁵.

Из воспоминаний А. П. Царицынцевой можно составить достаточно полное представление о методике преподавания русского языка в институте: «Русский язык преподавался в младших классах по грамматике и хрестоматиям, в старших изучались и анализировались произведения классиков, попутно знакомились с литературными критиками: Писаревым, Добролюбовым и др. Писали сочинения, делали рефераты, иногда совместно с другими классами, при рефератах проводились доклады по данной теме, обязательно назначались оппоненты (воспитанницы спорили по вопросам прочитанного и освоенного литературного материала). В младших классах писали изложения, переложения (стихов), диктанты, в старших — сочинения, и лучшие зачитывались перед всеми. Ошибки — грамматические, стилистические и прочие — разбирались. Художественную литературу — французскую, немецкую, русскую — брали для чтения в институтской библиотеке»⁴⁶.

Подбор методических руководств и пособий по русскому языку и литературе, имевшихся в библиотеке института, тщательно продуман и отличается фундаментальностью: их авторы — известные ученые-этимологи, лингвисты, профессора и академики филологических факультетов российских универ-

⁴³ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Л. 199.

⁴⁴ Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии: [1828–1878]: хроника Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством. По поручению начальства сост. И. Селезнев. СПб.: Тип. В. Демакова. С. 396.

⁴⁵ Устав..., 1884. Приложение к § 106, 108. С. 225, 253.

⁴⁶ Семенов В. Г. (1997) Еще раз об Оренбургском институте благородных девиц // Гостиный двор. № 5. С. 230.

ситетов и лучшие учителя-практики по русской словесности. Для плодотворной работы учителей-словесников институт располагал трудами таких мэтров русской филологии и этимологии языка, как И. А. Вертоградский, В. В. Воскресенский, А. Д. Галахов, Я. К. Грот, В. И. Покровский, А. Г. Преображенский⁴⁷.

Особое значение в Оренбургском Николаевском институте придавалось развитию навыков устной и письменной коммуникации на новых (европейских) языках. Важнейшим методом обучения иностранным языкам была постоянная разговорная практика на основе лингвистического погружения: чтобы воспитанницы находились в «иноязычной» среде, их заставляли говорить с преподавателями и воспитателями через день по-немецки и по-французски, а по-русски разговаривать не разрешалось. Мариинским ведомством в деле освоения европейских языков ставилась и более сложная задача: усилить сравнительное изучение иностранных языков с русским. «Для достижения этой цели следует, чтобы наши учителя иностранных языков в преподавании грамматики усвоили те же приемы, какие употребляются лучшими преподавателями отечественного языка, а именно: знакомили бы с этимологическими и синтаксическими особенностями преподаваемых ими языков»⁴⁸.

Выпускницы института прекрасно говорили и писали по-французски благодаря высокой профессиональной подготовке учителей. Считалось нормой и даже необходимостью принимать иностранок в женские институты на вакансии преподавательниц, классных дам и воспитательниц. Так, из личного дела (1909 г.) преподавательницы Иоанны Амеевны Патен очевидно, что на должность учительницы французского языка в Оренбургский Николаевский женский институт приняли французенку, т. е. этнического носителя изучаемого языка⁴⁹. Блестящее образование имела и Е. А. Гартьер, которая окончила полный курс наук в Петроградском сиротском женском институте императора Николая I, имела дипломы Парижского и Гренобльского университетов⁵⁰.

К педагогическому корпусу женского образовательного учреждения предъявлялись достаточно высокие требования, особенно к профессиональным навыкам учителей-предметников и воспитателей. Бралось во внимание глубокое знание преподаваемого предмета, педагогическое мастерство, такт, ответственность и требовательность к ученицам. Сохранившиеся в Государственном архиве Оренбургской области личные дела и послужные списки отдельных преподавателей свидетельству-

⁴⁷ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 18. Л. 88–89.

⁴⁸ Устав..., 1884. Приложение к § 106. С. 229.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3.

⁵⁰ Там же. Д. 16.

ют о том, что многие из них получили образование в ведущих российских университетах и педагогических образовательных учреждениях Петербурга, Москвы, Киева, Риги, Пернова (Лифляндская губерния), Харькова, Самары, Казани и других крупных городов. Например, из удостоверения преподавателя А. И. Гинальской следует, что она удостоена диплома первой степени на звание свободного художника, является членом Всероссийского учительского союза⁵¹.

В институте категорически пресекалось распространение политических идей: руководство проверяло на благонадежность не только преподавателей, но и состоящих на службе православных и католических священников⁵².

Общее представление об организации учебно-воспитательного процесса в Оренбургском Николаевском женском институте дают сохранившиеся отчеты учебной части, служебные записки, ведомости. Например, отчет за I половину 1916/1917 учебного года, составленный председателем педагогического совета коллежским советником В. Д. Казанским, содержит детальный анализ образовательного процесса. В частности, в документе отмечается: «Преподавание за I половину 1916/1917 учебного года шло по расписанию, принятому Учебной Конференцией в заседании от 20 августа 1916 г., и по программам, установленным от 16 июля 1911 г. Из 209 воспитанниц института в позиции отличных состоят 3; очень хороших — 67; хороших — 36; удовлетворительных — 21; неудовлетворительных — 72; не аттестованных — 10. Общий процент успешности института в I полугодии 1916/1917 учебного года — 75,4%. Начали занятия 23 августа, окончили 17 декабря, всего учебных дней — 85. Отметки всех воспитанниц в указанное время вписаны в особую „Балловую книгу“. Процент пропущенных уроков составляет 6,4%»⁵³. До 1917 г. учебные успехи воспитанниц оценивались по 12-балльной системе: 12 — отлично; 11 — пять с минусом; 10, 9 — хорошо; 8, 7 — удовлетворительно; 6 — посредственно; 5 — неудовлетворительно; 4, 3, 2, 1 — очень слабо. Отметки ниже 7 считались непереводаемыми. С 1917 г. женские учебные заведения перешли на 5-балльную систему оценки знаний.

Первая мировая война с ее неизбежными лишениями, сокращение рациона питания, ухудшение материального положения семей, потеря кормильца, несомненно, негативно сказывались на успехах воспитанниц. Поэтому администрация Николаевского женского института в 1915–1917 гг. наладила работу со слабоуспевающими ученицами, которые не осваивали курс наук по тем или иным уважительным причинам: велико-

⁵¹ Там же. Д. 20.

⁵² Там же. Д. 16–17.

⁵³ Там же. Д. 18. Л. 24.

возрастности, сиротства, медленного развития, недостаточной подготовки, пропусков уроков по болезни. Предпринятые руководством института меры имели несомненный успех: так, «в 1916 году под шефство было взято 57 учениц, за 3 месяца 20 из них исправились; за вторую треть 1916/1917 учебного года из 46 воспитанниц исправились 20; за третью треть 1917 года из 57 исправились 45»⁵⁴.

**Социализация
воспитанниц
Оренбургского
Николаевского
института:
организация
педагогических
классов**

В рассматриваемый период — во второй половине XIX — начале XX в. — вопрос о будущем выпускниц женских институтов был весьма актуален в силу целого ряда обстоятельств: российское дворянство стремительно «экономически оскудевало», беднело, и родители благородных семейств не могли оставить дочерям приличного наследства, среднее сословие и домохозяйства российских окраин также входили в разряд низкодоходных слоев населения, череда эпидемий и войн неизбежно влекла за собой сиротство и нищету. Руководство и попечительский совет Николаевского женского института стремились обеспечить самостоятельную жизнь своих воспитанниц, в первую очередь девушек из бедных семей, полных сирот, дочерей героев-инвалидов, отдавших жизнь и здоровье за Отечество.

В дореволюционной России для женщин, обеспечивающих себя самостоятельно, наиболее достойными занятиями считались преподавание и воспитание. Видный российский педагог и просветитель В. Я. Стоюнин отмечал: «Образование составляет для большинства воспитанниц единственный капитал, который может спасти их от нищеты в будущем, если им не выпадет на долю безбедная семейная жизнь; капитал этот обращается в большинстве случаев на педагогическую деятельность в звании гувернанток или домашних учительниц» [Стоюнин, 1892. С. 541]. Вопрос о необходимости и важности профессиональной подготовки для девушек не раз поднимала губернская общественность. Так, в 1885 г. «Оренбургский листок» писал: «Женские учебные заведения в Оренбурге (институты, гимназии, прогимназии, двухклассные церковно-приходские школы) переполнены учащимися, из которых большая половина — дочери беднейших родителей. Такое стремление к женскому образованию, вообще говоря, есть явление в высшей степени отрадное. Но в то же время оно имеет и свою неудобную, другую сторону. Наши „ученые“ молодые женщины, благодаря преобладанию теоретического элемента в образовании, вступают в жизнь почти без всякой практической подготовки и за исключением учебно-педагогической службы, очень

⁵⁴ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 18. Л. 48–49.

ограниченной и не всякому доступной, весьма часто обрекаются на бедность, к обременению семьи и к своему собственному неблагополучию»⁵⁵.

В рамках первичного приобщения к будущей профессии руководство института разрешало ученицам выпускных классов, которых интересовали вопросы воспитания, помогать классным дамам с младшими детьми и осваивать основы педагогики. Выдавая выпускницам аттестаты об окончании 7 классов, педагогический совет института наиболее отличившихся в учебе рекомендовал к получению от Министерства народного просвещения свидетельства на звание «домашней учительницы (наставницы) тех предметов, по которым она показала хорошие успехи в изучении»⁵⁶.

После окончания основного курса некоторые выпускницы продолжали учиться год в пепиньерском классе, чтобы потом остаться работать в институте. С целью развития пепиньерских классов руководство Оренбургского Николаевского женского института активно предпринимало меры по расширению существующего учебного курса. Согласно положению опекунского совета от 4 марта 1878 г., в пепиньерских классах женских институтов было 6 уроков в неделю. Совет Оренбургского Николаевского института ходатайствовал перед Ведомством учреждений императрицы Марии об увеличении часов обучения в пепиньерских классах с 6 до 9, «основываясь на том, что большинство воспитывающихся в институте по окончании курса должны зарабатывать себе средства к существованию педагогической деятельностью, удовлетворительную подготовку к которой не может дать установленный одногодний курс пепиньерского класса». На основании чего опекунский совет постановил: «испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на увеличение в означенном пепиньерском классе числа уроков с 6 до 9 в неделю, с тем 1) чтобы на это отнюдь не требовалось новых расходов из средств Ведомства и 2) эти уроки были распределены не более, как между тремя или четырьмя предметами, причем выбор оных по представлению институтского начальства предоставить Главноуправляющему Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии». Данное постановление было утверждено императором 16 октября 1892 г.⁵⁷

⁵⁵ Оренбургский листок. 1885. 3 марта. № 10. С. 58.

⁵⁶ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁵⁷ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. IV. Царствование государя императора Александра Третьего. Кн. 3. С 1 янв. 1891 г. по 20 окт. 1894 г. СПб.: Государственная типография, 1895–1916. С. 317.

При институте были также организованы специальные педагогические классы, где выпускницы получали профессию домашней воспитательницы, учительницы русской словесности и французского языка. Такие классы «имели целью способнейшим воспитанницам из окончивших общий курс учения, преимущественно же сиротам, предоставить возможность в течение двух лет на казенный счет приготовиться к педагогической деятельности»⁵⁸. Двухлетний курс обучения предполагал, что в первом педагогическом классе (теоретический курс) изучались основы педагогики и необходимые дисциплины по программе, во втором классе (практический курс) воспитанницы занимались поочередно преподаванием в младших классах в присутствии опытного учителя. Перечень предметов в педагогических классах свидетельствует о наличии четкой методической системы, включающей циклы дидактических дисциплин. В число обязательных предметов для всех учениц педагогических классов входили: педагогика, дидактика, детская литература, гигиена, законоведение, французский язык, домоводство.

К поступлению в педклассы допускались воспитанницы, «имеющие в среднем вывод по языкам и наукам за два последние класса не менее 9 баллов при удовлетворительных баллах по каждому из этих предметов и не менее 9 по русскому языку и тем предметам, которые воспитанница желает избрать для специального изучения»⁵⁹. Например, аттестат, выданный 22 августа 1917 г. выпускнице Л. Суплатовой, давал такое право:

Дочь подполковника Лидия Александровна Суплатова православного вероисповедания, окончила курс 7 классов в Оренбургском институте Императора Николая I, во время пребывания в сем заведении, при отличном поведении, показала успехи:

по Закону Божию — очень хорошо, 11;
русский язык и словесность — хорошо, 10;
французский язык — хорошо, 10;
немецкий язык — хорошо, 10;
математика — хорошо, 10;
история — хорошо, 10;
география — очень хорошо, 11;
физика, космография — отлично, 12;
педагогика — очень хорошо, 11;
естествознание — хорошо, 10.

Л. Суплатова имеет право получить, не подвергаясь особому испытанию, свидетельство на звание домашней (настав-

⁵⁸ Учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии: Краткий очерк. СПб., 1906. С. 57–58.

⁵⁹ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

ницы или учительницы) тех предметов, по которым она оказала хорошие успехи»⁶⁰.

В специальный педагогический класс стремились зачислять не просто хорошо успевавших учениц, а таких, кто вполне соответствовал высокому призванию воспитательниц по нравственным качествам. Так, в Оренбургском Николаевском женском институте долгие годы служила Мери Карловна Мартин. В характеристике по итогам ее обучения в 8-м педагогическом классе заявлено, что «девица Мартин Мери относилась к своим занятиям вполне добросовестно и вырабатывала в себе надлежащий педагогический такт, наблюдательность и сознательное отношение к дидактическим приемам»⁶¹.

Наличие высококвалифицированных педагогов для преподавания иностранных языков позволило институту открыть классы учительниц иностранного языка для женских гимназий, училищ и домашнего образования детей. Так, двухлетняя программа для учительниц французского языка включала освоение не только основ педагогики, но и подробное изучение истории и географии Франции, сравнительной грамматики, истории всемирной (всеобщей) литературы, истории французской литературы, современной грамматики и методики французского языка⁶².

С введением педагогических классов институт сам стал поставщиком педагогических кадров в местные учебные заведения, например две начальницы и некоторые учительницы 1-й оренбургской женской гимназии, преподававшие французский и русский язык, были воспитанницами института.

Обучение в Николаевском женском институте завершалось выпускными экзаменами и балом. Каждый выпуск, начиная с первого в 1854 г., был отмечен высокими показателями в области изучения наук и искусств. Так, в Свидетельстве об успехах и поведении учениц (№ 1297 от 12.06.1907) отмечено, что в 1907 г. из 30 выпускниц высшую награду за успехи в обучении — шифр-вензель⁶³ получили две, золотые медали — две, серебряные — три, книгу — шесть девиц. Кроме того, «воспитанница Зинаида Рябкова за человеколюбивый подвиг получила серебряную медаль для ношения на груди на Владимирской ленте»⁶⁴. К со-

⁶⁰ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 22.

⁶¹ Там же. Д. 7. Л. 4.

⁶² Там же. Д. 18. Л. 46.

⁶³ Шифры представляли собой вензель императрицы Марии Федоровны под короной, наложенный на Александровскую ленту. Право вручать такие награды лучшим ученицам было даровано Оренбургскому Николаевскому женскому институту в 1894 г.

⁶⁴ ГАОО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1.

жалению, архивные материалы не дают нам точных сведений, в чем заключался человеколюбивый подвиг молодой девушки.

После февральских событий 1917 г. Оренбургский Николаевский женский институт оказался в изоляции, значительно сократилось, а затем совсем прекратилось финансирование учебного заведения. Осенью 1918 г., оказавшись в безвыходном положении, начальница и педагогический совет института обратились к войсковому правительству Оренбургского казачьего войска с вопросом о ведомственном определении и дальнейшей судьбе института. В сентябре 1918 г. на условиях реорганизации институт был принят в ведение Оренбургского казачьего войска и переименован в Оренбургский войсковой женский институт⁶⁵. История Оренбургского Николаевского женского института заканчивается в начале 1919 г.: как и большинство подобных учреждений, он оказался ненужным и не вписывался в образовательные модели новой власти.

В немногих сохранившихся воспоминаниях воспитанниц Оренбургского Николаевского женского института нет ни одного, в которых бы девушки отзывались негативно о своей *alma mater*; нет упоминаний про строгие наказания или унижения. Высокие стандарты педагогической деятельности и нравственной атмосферы в институте объясняются рядом обстоятельств: учреждение было под постоянным надзором и опекой Мариинского ведомства и особ царствующей фамилии; за нравами и общим порядком в учебном заведении следили начальница института и попечительский совет; принимаемые на службу педагоги и воспитательницы проходили тщательный профессиональный и личностный отбор, исключавший появление в институте случайных и некомпетентных людей; для многих воспитанниц пребывание в таком учебном заведении было величайшей социальной ценностью, единственной возможностью получить достойное образование и устроить свою жизнь. Власти Оренбургского края также стремились всячески поддержать высокую репутацию образовательно-воспитательного учреждения, от чего напрямую зависел их личный престиж и популярность в обществе.

Заключение В середине XIX в. к числу уже созданных в России женских институтов и воспитательных домов присоединился Оренбургский женский институт императора Николая I, имевший целью предоставить девушкам общее среднее образование, духовно-нравственное и эстетическое воспитание и дать практические

⁶⁵ Доклад Войскового Правительства Оренбургского казачьего войска чрезвычайному Войсковому Кругу 19 сентября 1918 г. [б. м., 1918]. С. 66.

навыки педагогической деятельности. Усилиями нескольких поколений педагогов, воспитателей и подвижничеством властей в Оренбургском крае был создан уникальный образовательный феномен, призванный воспитать женщин новой культуры.

История зарождения и развития Оренбургского Николаевского женского института доказывает, что постепенно в российском обществе среди разных сословий прочно утвердилось понимание важности и ценности женского образования. Николаевский женский институт имел неоспоримые преимущества перед иными женскими образовательными учреждениями города и губернии в качестве преподавания предметов, в материально-бытовом содержании и обустройстве, в уровне оплаты за обучение, в обеспечении надлежащего воспитания, в наличии интерната. В стенах учебного заведения девочки-выпускницы получали профессию в педагогических и языковых классах, тем самым институт играл неоценимую роль в профессиональной социализации сирот и детей «недостаточных родителей».

1. Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. (2009) Женское образование в России. М.: Дрофа.
2. Каптерев П. Ф. (1915) История русской педагогики. Петроград: Земля.
3. Лихачева Е. О. (1899) Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
4. Пономарева В. В. (2018) «Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц» — форпост женского образования на востоке России // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 350–353.
5. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. (2017) Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII — начало XX в. М.: Русское слово.
6. Стариков Ф. (1891) Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типо-литогр. Б. Вреслина.
7. Стоюнин В. Я. (1892) Педагогические сочинения. СПб.: Типография Училища глухонемых.

Литература

Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute in the Second Half of the 19th—Early 20th Century

Author **Margarita Varavva**

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Social Sciences, and Humanities, Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics. Address: 50/51–53 Leninskaya/Pushkinskaya Str., 460000 Orenburg, Russian Federation. E-mail: margur2010@mail.ru

Abstract Reformation of female education in Russia in the mid-19th century led, among other things, to further evolution of closed class-specific women's institutes of the boarding school type that provided secondary, religious, and secular education of girls. Historical documents and archival sources are used in this article to describe the organization and content of learning in Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute, the largest institution of secondary female education in the vast Orenburg Governorate at the end of the 19th century. Institute education had a considerable social value for girls from civil and military middle-class families in the cities and remote suburbs of Orenburg Governorate in that it allowed them not only to acquire general knowledge but also to develop teaching skills that they could use to make a living. Evidence is provided that, given the local settings, Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute matched most of the criteria of the institute education model typical of pre-revolutionary Russia, which transformed in response to society's demands concerning female education. Discontinuous interest, insufficient elaboration of the problem, and historical oblivion of valuable local history materials dictated the need to crane out a body of archival sources and reconstruct the process of creating a unique educational phenomenon, which Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute came to be.

Keywords female education, Office of the Institutions of Empress Maria, women's institutes in provinces of the Russian Empire, socialization of female students, Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute.

- References** Dneprov E., Usacheva R. (2009) *Zhenskoe obrazovanie v Rossii* [Female Education in Russia], Moscow: Drofa.
- Kapterev P. (1915) *Istoriya russkoy pedagogii* [History of Russian Pedagogy]. Petrograd: Zemlya.
- Likhacheva E. (1899) *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (1086–1856)* [Materials for History of Female Education in Russia (1086–1856)], St. Petersburg: Mikhail Stasyulevich's Publishing House.
- Ponomareva V. (2018) "Orenburgskiy Nikolaevskiy institut dlya vospitaniya devits"—forpost zhenskogo obrazovaniya na vostoke Rossii [Emperor Nicholas I Orenburg Women's Institute as an Outpost of Female Education in Eastern Russia]. Proceedings of the *International academic conference 9th Bolshakov Literary Soirée: Orenburg Region as a Historical and Cultural Phenomenon*, Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, pp. 350–353.
- Ponomareva V., Khoroshilova L. (2017) *Mir russkoy zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sudba. XVIII — nachalo XX v.* [The World of the Russian Woman: Upbringing, Education, Fate. XVIII—Beginning of XX Century]. Moscow: Russkoe slovo.
- Starikov F. (1891) *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazachyego voyska* [Historical and Statistical Essay of the Orenburg Cossack Army]. Orenburg: Tipo-litogr. B. Breslin.
- Stoyunin V. (1892) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Writings]. St. Petersburg: St. Petersburg College for the Deaf.